

бочему движению в США. Жаль, что эта сторона дела в недостаточной степени подчеркнута автором книги.

Американский пролетариат, отдавая себе отчет в том, насколько ошибочны были некоторые взгляды Парсонса и его товарищей, вместе с тем глубоко чтит память борцов за де-

ло американского народа, жертв классовой юстиции США. О книге, посвященной Парсонсу, тем более уместно напомнить сейчас, когда реакционная буржуазия США вновь усиливает свои происки против рабочего класса.

В. л. Рубин

ТИД МОНЬЕ—„ХЛЕБ БЕДНЯКОВ“. Изд. Grasset, Париж, 1938 (Thyde Monnier. «Le pain des pauvres». Grasset, Paris, 1938).

Надо сразу же оговориться: едва ли кто-нибудь читает сейчас «Хлеб бедняков». События, волнующие сегодня французский народ, не оставляют времени на столь безобидное чтение. Но до войны, вероятно, французский средний читатель, — рабочий, служащий, продавщица, — охотно и с интересом брал в руки книгу с таким названием. Помня первый роман Тид Монье «Переулоч», он мог ждать, что писательница снова тепло и просто расскажет о «маленьких» людях, о тех, кто много работает и много страдает. Возможно, что люди, для которых проблема «хлеба бедняков» — самая острая проблема, ежедневно требующая своего разрешения, ждали от этой книги ответа на многие волнующие вопросы.

О каких же людях и судьбах говорит в своем новом романе Тид Монье? Какие проблемы она ставит?

Юная Сильвэна Респланден и рыбак Оливье с первого взгляда полюбили друг друга. Взаимоотношения их ограничиваются невинной и пылкой перепиской и мечтами о браке. Отец Сильвэны — владелец большого кожевенного завода, человек упрямый и черствый, пускает в ход побои, жестокости, обман, чтобы убедить молодых людей в том, что они потеряны друг для друга. Оливье уезжает.

Жизнь Сильвэны несчастна и уродлива. Она выходит замуж без любви, родит мертвого ребенка, после самоубийства мужа остается одна с парализованным отцом.

Через пятнадцать лет возвращается Оливье; теперь он — рабочий на соседней лесопилке. Все недоразумения разъясняются, и Сильвэна готова обрести свой рай в хижине Оливье.

Но тут-то она и проявляет себя, как женщина, способная бороться за «рай» с некоторыми земными поправками: Оливье должен быть не наемным рабочим, но «хозяином своего труда», а для этого нужны деньги. Сильвэна заявляет об этом отцу и забирает из его кассы пятьдесят тысяч. Старик грозит полицией, но достойная дочь отвечает, что в таком случае она раскроет властям незаконные махинации папашы, принесшие ему огромные прибыли во время войны.

Правда, оказывается, что Оливье не хочет пользоваться деньгами без согласия Респландена. Но вскоре отец и дочь мирятся: Сильвэна возвращает старику деньги, которые он тут же отдает Оливье. Оливье становится этаким процветающим хозяйчиком на лоне природы. Тут, как будто бы, кулацкая идиллия могла бы окончательно завершиться, — однако, спросит читатель, при чем же тут хлеб бедняков?

Книга Монье заканчивается рассуждениями Оливье по поводу старинной печи: в этой печи супруги будут печь свой хлеб: не белый

«хлеб роскоши», который продается в городах, а простой и здоровый хлеб бедняков.

Эта лицемерная сентенция вполне соответствует лицемерному названию.

Книжка Монье, сама по себе написанная не бездарно, не стоила бы даже небольшой рецензии. Но стоит, пожалуй, заняться теми недоуменными вопросами, которые могли бы возникнуть у французского бедняка, вздумавшего узнать от Тид Монье что-нибудь новое о добывании хлеба насущного. Бедняку предлагается жениться на дочке предпринимателя, жить в мире с богатым папашей и на его капитал понемножку самому дораста до положения «хозяина». Простой и симпатичный способ, что и говорить! Вряд ли только читатели будут слишком благодарны доброй Тид Монье за ее разумные советы.

Действие романа происходит вне времени и пространства. По отдельным намекам (прибыли папашы Респландена, упоминание об отце и брате Оливье, погибших на фронте) можно думать, что роман начинается через несколько лет после первой империалистической войны и кончается чуть ли не накануне второй, — но ничего характерного для Франции этих лет, в отличие от Франции, скажем, середины прошлого века, в книге нет. «Бедняки» в романе вообще никак не участвуют. Вся жизнь Сильвэны проходит на большом заводе, она имеет дело с документами, счетами и заказами. Но и завод, и люди, работающие на нем, не существуют в книге. Сильвэна не замечает их ни тогда, когда ее жизнь пуста и ничем не занята, ни, тем более, в то время, когда начинается пресловутая пастораль в хижине. Слово «рабочий» упоминается только в приращении к Оливье.

Оливье — существо совершенно незначительное, пассивное, вообще надолго исчезающее со страниц книги. Странно выбран этот герой — единственный бедняк в романе о бедняках. Но и у этой странности должны же быть основания.

Тид Монье, как и некоторые другие западные писатели, в своем сочувствии «беднякам», народу, ограничена довольно тесными рамками: ее интерес не выходит за пределы собственности и собственников, хотя бы потенциальных. Подлинный бедняк, пролетарий — сложен и не совсем понятен для писателя категории Тид Монье, да писатель и не отдаст себе отчета в этой сложности, и попросту наделяет своего героя уже знакомыми, привычными чертами. Рабочий — такой же «живой человек», как и все, значит, он тоже собственник, хозяин, хотя бы только возможный хозяин.

Наша критика справедливо отмечает, что первый роман Монье не случайно назывался

«Переулочные»: при всем своем сочувствии беднякам, тяжелой жизни народа, о которой говорилось в этой книге, Тид Монье тогда увидела не главные, не существенные, а только побочные, «переулочные» стороны этой жизни: мелких хищников и сутенеров, кротких девушек, бедняков, вечно покорных судьбе. Нельзя сказать что такие люди — главное и типичное для Франции 1937 года. В новой книге это боковое, «переулочное» видение мира завело Тид Монье еще дальше от реальной жизни: в горы и леса, в идиллические хижины. К этому присоединились сомнительные глубины страстей, над которыми не властен человек, рассуждения о том, что инстинкт полевлеает людьми так же, как животными, которые весной срываются с привязей и ломают

изгороди, как рыбами, которых в пору метания икры не остановят никакие штормы. И рассуждения, и довольно натуралистические иллюстрации к ним, сильно напоминают Жюно, которого Тид Монье называет своим учителем. Что до остальной философии и морали, то она сводится к известному изречению о том, что каждому в жизни будет отмерено тою мерой, какой он сам мерил. На основании именно этой сентенции строятся взаимоотношения Сильвэны с отцом.

А в результате — книга, бесконечно далекая от жизни, фальшивая, способная только дезорганизовать отсталые слои французского народа, отвлечь их внимание от настоящих причин их бедствий.

Нора Галь

КОРОТКО О КНИГАХ

Джон Корнфорд, молодой английский поэт и публицист, один из выдающихся представителей английской коммунистической интеллигенции, погиб два года назад в Испании, героически защищая дело передового и прогрессивного человечества. Посвященный его памяти сборник «Воспоминания о Джоне Корнфорде» (John Cornford. «A Memoirs», edited by Pat Sloan. Cape, London, 1939) составлен из воспоминаний родных и товарищей Корнфорда и его собственных произведений, писем, дневников. «Не часто составляют книги, посвященные жизни молодого человека, — пишет редактор этого сборника, — тем более, когда эта жизнь окончилась в 21 год. Однако, хотя имя Джона Корнфорда не было известно широкой публике и не мелькало в газетных заголовках, он в 21 год научился столь многому, сделал так много и оказал столь значительное влияние на людей, с которыми общался, что достиг в свои годы большего, чем многие, прожившие семьдесят лет».

Действительно, читая эти документы, стихи, политические выступления, слушая свидетельства людей, знавших Корнфорда, среди них даже тех, кто был далек от него по своим убеждениям, видишь человека, исполненного такой благородной внутренней силы, цельности и неиссякаемого волевого порыва, какие могло воспитать только коммунистическое движение. Корнфорд был сыном кембриджского профессора и, таким образом, как и Ральф Фокс, вышел из среды буржуазной интеллигенции. Он принадлежал к тем, кто порвал с этой средой, со всем лицемерным строем английской буржуазной демократии и примкнул к движению революционной интеллигенции, связавшей свою судьбу с борьбой рабочего класса.

★

«Стихи о свободе» — антология английской поэзии «протеста и надежды на лучшее будущее», составленная Джоном Мэлганом («Poems of Freedom», edited by John Mulgan, Victor Gollanz, London, 1939), выгодно отличается от других антологий революционной поэзии, изданных в Западной Европе: во-первых, художественные достоинства представленных стихов и стихотворных отрывков бесспорны, во-вторых, составитель отходит от шаблона, смело включает новые имена и стихи и, на-

оборот, отказывается от некоторых старых, уже «антологизированных» до предела. Следует одобрить также изъятие стихов «христианско-социалистического» содержания, которые испортили известную антологию Эптона Синклера.

Мэлган располагает свой материал в исторической последовательности, начиная с поэзии крестьянских восстаний английского средневековья. В поэзии XIX века представлены чартистские поэты и отражена борьба ирландского народа за независимость. Наряду с большими именами английской поэзии составитель включает стихи Элизабет Баррет Браунинг, Джона Дэвидсона, Джемса Томсона. Современная английская поэзия представлена стихами так называемой «оксфордской группы» Одена, Дэй-Льюиса, Спендера, а также некоторых других поэтов — Джека Линдсея, Уорнера. Не очень ясны причины, по которым составитель привлекает для антологии американские стихи прошлого века, но не касается современных.

Антологии предпослано предисловие Одена, в котором есть интересные мысли о непрерывности революционной традиции в мировой поэзии.

★

Книга австралийской писательницы Барнард Элдершоу «Очерки австралийской литературы» («Essays in Australian Fiction», by Barnard Eldershaw. Mellowne University Press, 1938) содержит ряд статей о крупнейших писателях современной Австралии (Генри Хэндел Ричардсон, Катарина Сусанна Причард, Венс Палмер, Кристина Стэд и др.).

Генри Хэндел Ричардсон — писательница, постоянно живущая в Англии, автор известной трилогии «Судьбы Ричарда Мэхони», рассказывающей о жизни австралийского врача. Критик приводит подробно содержание книги, характеризуя ее как одно из самых значительных произведений не только австралийской, но и современной английской литературы.

Не столько критический, сколько информационный характер носит глава, посвященная творчеству Катарины Сусанны Причард. Наиболее интересны в книге очерки о писателях, совсем неизвестных у нас, и очень мало известных даже в Англии (кроме Кристины Стэд, писательницы, живущей в настоящее